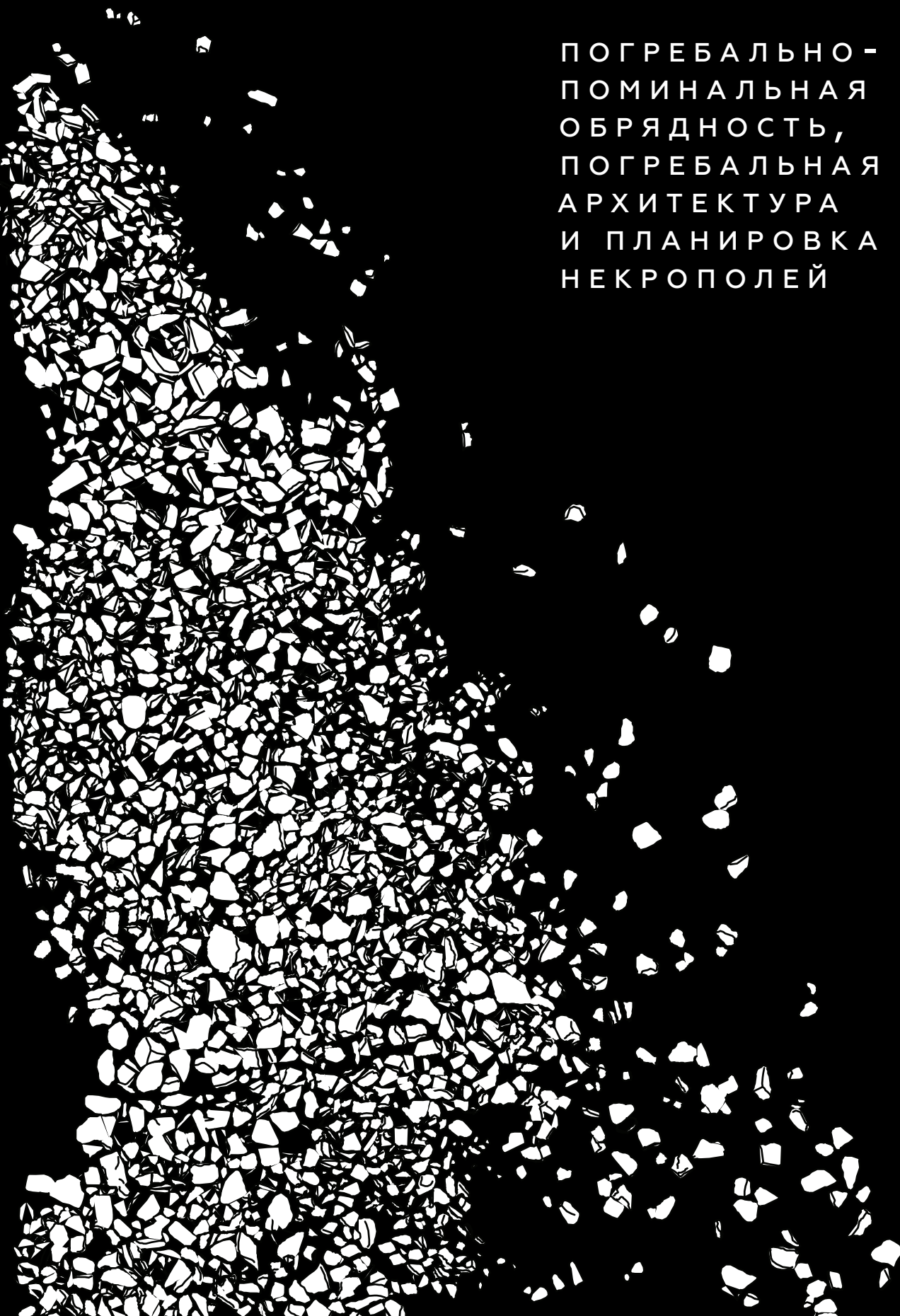

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядающих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменской культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ПЛАНИГРАФИИ МАЛЫХ САРМАТСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

Впервые изучаются закономерности планиграфии малых некрополей кочевых сарматов, составляющих подавляющее большинство таких памятников. Учитывались половозрастные особенности, вероятные маркеры социального статуса, размеры и формы могильных сооружений, размещение поминальных конструкций. Выявлены пять принципов их планировки, в которых преобладают симметричные композиции разных типов: центрические (с ядром в виде могил влиятельных супругов или умерших мужского пола), концевые (для лица определенного пола и более высокого статуса), в виде дуги (вокруг мини-святилища или делящей пополам две группы могил разных типов). Это позволяет уточнить представления о сакральной и социальной модели некрополя, критериях его завершенности.

Ключевые слова: малые курганные некрополи сарматов, планиграфия, основные принципы композиции, критерии наполнения

Малые некрополи сарматов (от 2–3 до 10–15 курганов с основными или впускными могилами одной культуры или ее конкретной фазы, чаще всего — в составе разновременных могильников), представляют не меньший интерес для изучения восприятия социального и сакрального пространства кладбища небольшими коллективами, чем кладбища крупных и средних размеров (ср.: Яценко, 2016а; 2016б; 2016в). Для анализа сарматского общества римского времени малые некрополи имеют принципиальное значение: именно они составляют подавляющее большинство сарматских кладбищ, являют собой типичную их картину. Они соседствовали с местами сезонных стоянок небольших кочевых коллективов — групп из нескольких (чаще всего, видимо, родственных) семей, ставивших свои жилища у общего водоема (родника или небольшого озера), у речной переправы, а еще чаще — просто у подножья высокого края речной террасы.

Судя по ничтожно малому для нескольких поколений числу погребенных в них, такой чести удостоивались далеко не все члены даже этого малого коллектива (в том числе — лишь часть взрослых мужчин). *Критерии отбора* умерших для погребения в таком типичном могильнике и сегодня, надо признать, во многом остаются загадкой. Поэтому делать далеко идущие выводы на основе анализа антропологии только тех умерших сарматов, которые удостоились чести быть похороненными в курганах, было бы весьма опрометчиво. Между тем, именно такого типа обобщения, без следов малейших сомнений мы и наблюдаем в обобщающих публикациях. Часто «предельная наполняемость» малых некрополей могла определяться, например, благопожелательным, *священным числом* курганов или помещенных в них умерших: 3, 5, 7, 10, 12 (ср. для элитарных некрополей и элитарных участков у ранних кочевников в целом: Яценко, 2016а). Если для распаханных и разрушенных строителями курганных кладбищ европейских степей это в конкретных случаях может вызвать сомнения, то это ясно видно по неплохо документированному и хорошо сохранившемуся на местности (из-за низкой современной хозяйственной активности, каменной наброски насыпи и обычно скудной растительности) малым некрополям кочевников античной эпохи Южного Казахстана (Свод, 1994; Свод, 2002). Так, в Жамбыльской области наиболее распространенное число курганов в чисто сакских некрополях было 3, 5 и 7. Очень хорошо прослеживается в южноказахстанских материалах также характер курганных цепочек и сопровождающих их поминальных конструкций. Материалы Южного Казахстана ценны и тем, что с ним и соседними территориями сегодня во многом связывают оформление средне- и позднесарматской культур (однако при этом часто надо делать поправку на горный и предгорный характер местностей и пустынный облик пастбищ у ряда некрополей).

Здесь рассматриваются десять могильников короткого времени накопления, в рамках *только какой-либо одной из сарматских культур* (среднесарматской рубежа н. э. — середина II в. н. э. и позднесарматской

середина II — конец IV в. н. э. (в основном — ее ранней фазы до середины III в.)), раскопанные компактным большим участком или практически полностью. *Условные обозначения* к аналитическим чертежам здесь унифицированы и имеют единую нумерацию¹.

Обычно малые некрополи вытянуты в цепочку на водоразделе между балками, вдоль края речной террасы или вдоль холмов у небольшого озера (нестройную цепочку образовывали лишь курганы в Васильевке), и они чаще своеобразно вписаны в более ранние могильники эпохи бронзы и скифской (только сарматские и, при этом лишь одной позднесарматской культуры, ее раннего этапа — Кичкинский I (рис. 2, 2) и Хаджидер II (рис. 5, 1); могилы II–III вв. у Виловатого дополнили уже существовавший ранне- и среднесарматский некрополи (рис. 3, 2; курганы №№ 1, 4, 17, 18). По отношению к более ранним курганным цепочкам отмечены следующие варианты расположения: поперечное размещение сарматских определенного этапа: Никольское (рис. 3, 1), Кубей (рис. 5, 2); на краю их: Скосырская (рис. 2, 1), Царский (рис. 1, 1), Васильевка (рис. 4, 2); равномерно среди основной цепочки: Валовый I (рис. 1, 2), Белолесье-Михайловка (рис. 4, 1).

Иногда единая цепочка некрополя разбита на две неравные по числу группы курганов из двух-пяти и четырех-восьми курганов вдоль высокого плато (Белолесье), края надпойменной террасы (Виловатое) или на мысу, на стыке двух балок (Царский). Такое деление не случайно и отражает внутреннюю двойную микроструктуру коллектива (судя по наличному материалу, не связанную напрямую со знатностью или богатством одной из двух групп умерших). Мною специально выбраны для сопоставления могильники малых сообществ с очень разными материальными ресурсами и политическим влиянием (от крайне редких для сарматов полностью аристократических некрополей Царский и Валовый I в непосредственной близости от г. Танаис (Яценко, 2016г) и, вероятно, Никольское в низовьях Волги) до бедных периферийных Васильевки и Виловатого. В пяти других могильниках выделяется одна или несколько могил богатых или заслуженных, влиятельных благодаря своему характеру и т. п. лиц на фоне более скромных (часто, видимо, родственников) членов группы.

В изучаемой серии господствуют одиночные сарматские погребения в кургане (изредка с одним-двумя детьми); лишь в некрополе II–III вв. Васильевка (у устья Дуная, перед стеной Троянова вала) в трех курганах часто захоронено по семейству со взрослыми и несколькими детьми (рис. 4, 2). Высокая доля основательных ограблений или сохранность костей часто крайне осложняет определение пола, да и в целом степень изученности антропологами очень многочисленных малых курганных кладбищ сарматов² сегодня весьма скромная (из анализируемых ниже могильников антропологические определения сделаны для погребений Царского, Кичкинского I и Валового I в бассейне Нижнего Дона). Но здесь я привлекаю такие памятники, в которых на практике подавляющее большинство могил, в том числе ограбленных, имеет выраженную гендерную специфику по набору сохранившегося инвентаря, которая давно выявлена сарматологами для конкретных сарматских культур и их этапов и особых сомнений не вызывает (см., например, Яценко, 2016а. С. 71, прим. 3).

Есть основания предполагать, что заполнение могильного поля этих миниатюрных курганных кладбищ происходило отнюдь не хаотично, а в соответствии с определенными принципами. В изучаемой серии из десяти могильников вполне ясно представлены *пять различных подходов к планировке формирующегося «заполнения» некрополя*. Представляется, что эти подходы осуществлялись в конкретных малых сообществах вполне сознательно. **(1).** *Центром некрополя становится захоронение пары значимых вероятных супругов (?), по сторонам которых симметрично размещаются могилы разных половозрастных групп и социального статуса*. Один из вариантов такого подхода — захоронение вероятных супругов в центральном высоком

¹ *Фигурные условные обозначения*: 1 — мужская могила; 2 — женская могила; 3 — пол неясен; 4 — кенотаф, мини-святилище; 5 — знатные лица; 6 — ранним курган с впускными сарматскими могилами; 7 — несарматские курганы; 8 — дети; 9 — предполагаемые супруги; 10 — женщина-воительница; 11 — воин-копейщик. *Текстовые условные обозначения*: гр. — группа; дет. — детские могилы; ж. — женщина; к. — курган; м. — мужчина; огр./ограбл. — ограбленное погребение; семейн. — курган с предполагаемыми захоронениями разновозрастных членов семьи.

² Учтем, что именно сарматские погребения на сегодняшний день по общему количеству и размерам изученной территории известны нам неизмеримо лучше, чем остальные группировки ранних кочевников Степи.

кургане, окруженное двумя женскими курганами и по краям — двумя мужскими (Валовый I, пять курганов) (рис. 1, 2). Другой вариант этого подхода — с. Никольское в низовьях Волги: центральный курган — вероятных супругов, крайние — мужские, между ними — женский; четыре кургана (рис. 3, 1). Третий вариант: в центре — два соседних кургана вероятных супругов, по краям — по два–три женских (Вилватое, семь курганов) (рис. 3, 2). В Царском (12 курганов) (рис. 1, 1) этот подход осложнен тем, что некрополь состоит из двух довольно протяженных цепочек с расстоянием около 1 км между ними. В центре основной, южной выделяются два сложной конструкции кургана вероятных супругов, имеется наиболее значимый курган № 64, и в северной части; по краям некрополя — один с детским могилами и «курган»-ритуальная площадка для тризн³.

(2). Женские могилы размещаются с одного края линии, а мужские — с другого: у ст. Скосырская — не менее шести курганов (рис. 2, 1); видимо, то же — у сел Белолесье-Михайловка в Буджаке, семь курганов (рис. 4, 1). Один из вариантов этого подхода: размещение по линии с востока на запад вначале женщин, затем мужчин все более старшего возраста (Кичкинский I, пять курганов) (рис. 2, 2).

(3). Мужские погребения в центре скопления, женские с детьми — по краям (Васильевка) (рис. 4, 2).

(4). Размещение курганов дугой, вогнутой к западу с двумя типами синхронных могил. В северной части дуги размещены пять подбоев, в южной — пять в среднем более богатых инвентарем катакомб (Кубей, 10 курганов) (рис. 5, 2).

(5). Размещение курганов дугой вокруг подкурганного мини-святилища (курган № 10) с установленным в яме жертвенным «чашечным камнем» (Хаджидер II, пять погребальных курганов) (рис. 5, 1). Первые два варианта «планирования» некрополей, как представляется, могли быть довольно массовым явлением. В целом мы наблюдаем склонность к определенной симметрии различных типов.

Наиболее социально выделенные умершие (с золотыми аксессуарами, металлической посудой, парадным или редким оружием и т. п.) могли размещаться не только в центре некрополя, но и *на его краю*. Так, в Белолесье наиболее богатый (женский) курган № 3 группы I находился на дальнем северном конце сарматского могильника, изолированный в узком сплошном кольце из более ранних курганов (рис. 4, 1). В Скосырской курган № 4 с импортной римской посудой находился на западной оконечности цепочки (рис. 2, 1)⁴. Замечу, что оба эти варианта (в центре или на одном из краев) характерны для размещения не только для одиночного кургана значимого лица в таких малых сарматских могильниках, но и для планиграфии элитарных участков на более крупных некрополях в разных культурах евразийских ранних кочевников (Яценко, 2016а).

В позднесарматское время в Буджаке немаловажную роль в оформлении облика некрополя играли *единичные крупные курганы* — как собственные, так и более древние. Так, в Кубее компактный могильник визуально ограничивался с юга высоким курганом № 20 военного лидера, а с противоположной северной стороны — высоким же более древним курганом № 21 (рис. 5, 2). В Васильевке большой ранний курган в южной группе обширного могильника (в три-восемь раз больше диаметром, чем сарматские) был, видимо, естественной северной границей сооружения других курганов разных эпох (рис. 4, 2). Подчас немаловажную роль в планировке курганного кладбища играли особые *поминальные сооружения*. В среднесарматском сегменте некрополя Высочино V с четырнадцатью компактными курганами (Яценко, 2016б. Рис. 3) плотное скопление в самом центре пяти особых «поминальных» курганов без могил разделяло «обычные» курганы на две части: восточнее концентрировались все аристократические (курганы №№ 26, 28, 31), а также «царский» курган № 1, западнее — куда более скромные комплексы. В поздне-

³ Композиция могильника на деле была намного сложнее: в южной цепочке крайним к р. Дон и г. Танаис был «детский» курган, далее — семь курганов взрослых (в том числе два уникальных по форме и самым высоким курганы №№ 41 и 38 предполагаемых супругов, окруженных с двух сторон женскими курганы №№ 34 и 46); севернее — линия из трех курганов мужчин 25–35 лет. Северная цепочка (по два женских и мужских кургана) включала подкурганное святилище с керамикой семи типов, окруженное двумя курганами юношей; замыкали некрополь на севере два женских кургана (Яценко, 2016г).

⁴ В Южном Казахстане мы также довольно часто видим, что самый крупный, или один из наиболее крупных курганов отстоит от прочих на большее расстояние и при этом может быть несколько удален от линии основной цепочки.

сарматском Кировском I, III шесть «обычных» курганов также разделялись посередине четырьмя поминальными (Яценко, 2016а. Рис. 3) ⁵. В Васильевке группка из трех поминальных конструкций в виде квадратных рвов (№№ II–IV) находилась в окружении обычных курганов. Западнее (и также в окружении обычных курганов) размещалось другое мини-скопление — также трех курганов со рвами, но погребальных, в форме вытянутого прямоугольника (курганы №№ 14, 26 и 20) (рис. 4, 2).

Могут ли уточнить что-то в наших знаниях о планировке малого некрополя данные о древних ограблениях? (обычно они фиксируются без особых проблем самими руководителями раскопок). Иногда да, поскольку избирательные ограбления могил на определенном участке обычно свидетельствуют о более высоком социальном статусе этих умерших (от инвентаря которых иногда не оставалось почти ничего). На буджакских курганных кладбищах Хаджидер II и Кубей все курганы были разграблены, причем во многих случаях явно в древности (хотя оба объекта находятся неподалеку, в 3 км от современных сел) (рис. 5, 1–2); в Кубее не было явных следов ограбления лишь в подкурганном мини-святилище (курган № 10). В Царском ограблены все курганы взрослых, не трогали лишь находившиеся по краям и заведомо «не интересные» святилище в кургане № 62 и «детский» курган № 33 (рис. 1, 1). В Валовом I не тронули ни одной женщины и грабили только мужчин, явно интересуясь парадным оружием и уздой (даже в самом крупном и значимом кургане № 4 супругу (?) хозяина не тронули) (рис. 1, 2). В Белолесье аккуратно разграбили в древности все единичные сарматские могилы в индивидуальных курганах, но не тронули ни одного впускной (рис. 4, 1), хотя последние у сарматов тоже наверняка обозначались на поверхности (Яценко, 2016е. С. 35). В Никольском ограблены два кургана в центре среднесарматского могильника (курганы №№ 2 и 10) (рис. 3, 1). В Виловатом ограблению подвергся лишь курган № 6, находившийся ниже прочих на склоне террасы у старой поймы р. Самара (рис. 3, 2). При всем кажущемся разнообразии действий грабителей они ясно демонстрируют их представления об уровне привлекательности «могильной» добычи в тех или иных местностях и могильниках.

Возможно, иногда размещение в некрополе умерших с артефактами, содержащими *родовой/семейный знак* тамга / осетин. gakk, также поможет в уточнении планиграфии (рис. 1, 1–2; 4, 2; 5, 2) ⁶. В наших случаях у мужчин у устья Дона такой знак видим на уздечке коня (Царский, Валовый I), у женщин в Буджаке — на зеркалах (Васильевка, Кубей). Могила с тамгой почти всегда — единственная в малом некрополе ⁷, и соответствующий артефакт обычно наглядно демонстрирует нам визуальный символ небольшой группы, оставившей его ⁸. Такая могила локализуется обычно на краю некрополя, а в Царском — в центре северной цепочки.

В целом мне представляется, что системный анализ планиграфии малых некрополей ранних кочевников (особенно — при его дополнении разносторонней работой антропологов и более тщательной полевой фиксацией содержимого насыпей, размещения остатков в заполнении разграбленных могил) может дать нам много новых полезных сведений как о данной культуре в целом, так и об особенностях жизни локальных малых скотоводческих сообществ, а в частности — о сакральной и социальной модели некрополей и критериях их «завершенности», об отражении в их композиции статуса лиц конкретного пола и возраста и с разной репутацией.

⁵ То же относится и к ряду крупных могильников, в частности — Львовскому Первому 4 в Северном Дагестане (Яценко, 2016а. Рис. 6).

⁶ На планах таких некрополей показаны типы клановых тамг напротив соответствующих курганов.

⁷ Исключением является упомянутый Кировский I, III, где в каждом из двух мужским погребений на конской дарственной (?) упряжи размещались по два-четыре разнотипных знака. Но такая ситуация объясняется уникальным характером этого мини-кладбища как мемориала трех пар старых и влиятельных мужчин и женщин — жертв некоего военного конфликта (Яценко, 2016а. С. 75–76, рис. 3).

⁸ Исходя из результатов нашего анализа ряда некрополей с большим количеством *зеркал* со знаками, тамги на них демонстрируют символ не местного клана, а чужого — того, из которого происходила невеста / жена, подчас весьма отдаленного (см., например, Яценко, 2001. С. 37–43).

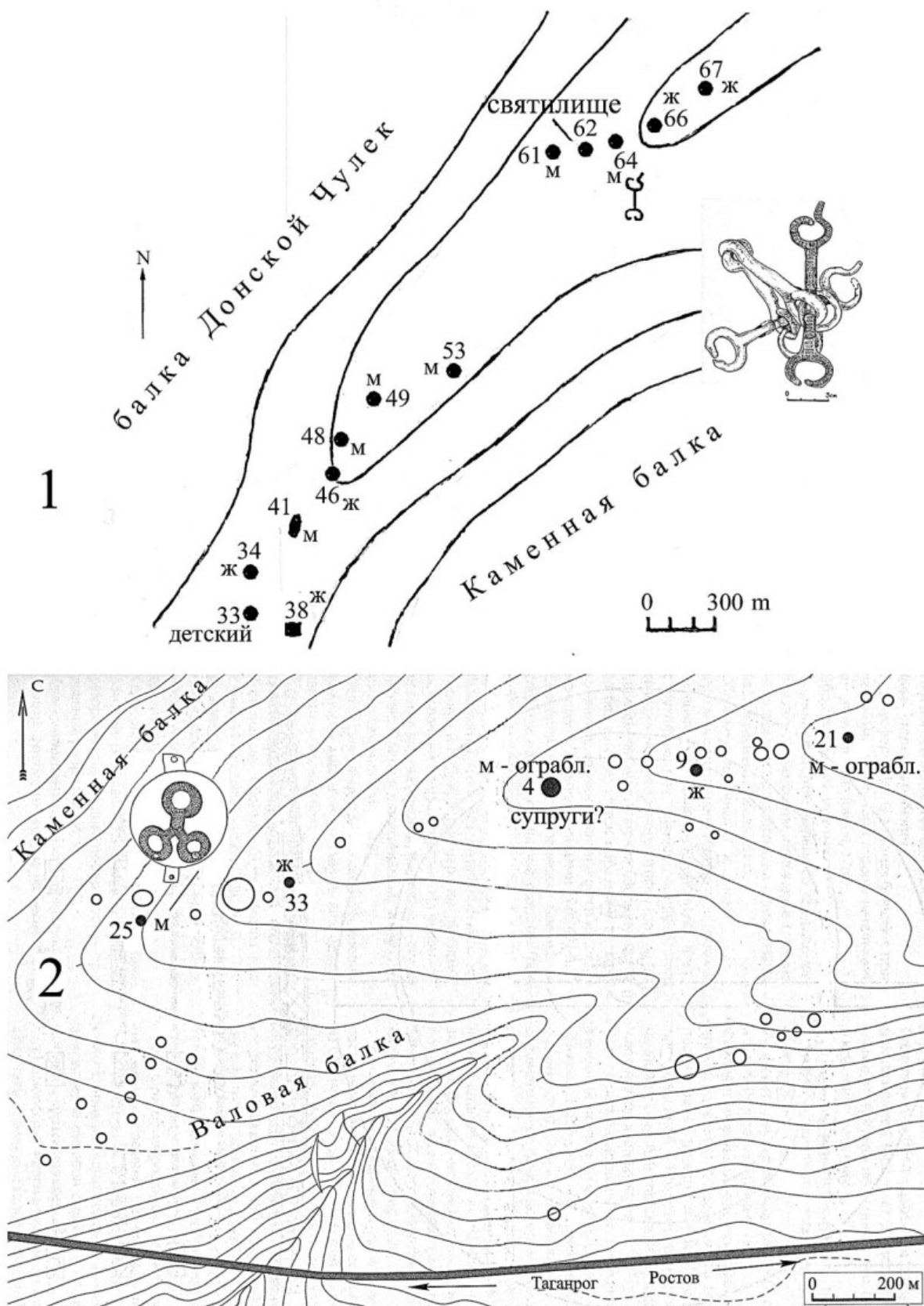

Рис. 1. Сарматские сегменты (элитарные некрополи) у восточной окраины боспорского г. Танаис в устье Дона: 1 — некрополь Царский, I — середина II в. н. э.; 2 — некрополь Валовый I, середина II — середина III в. н. э.

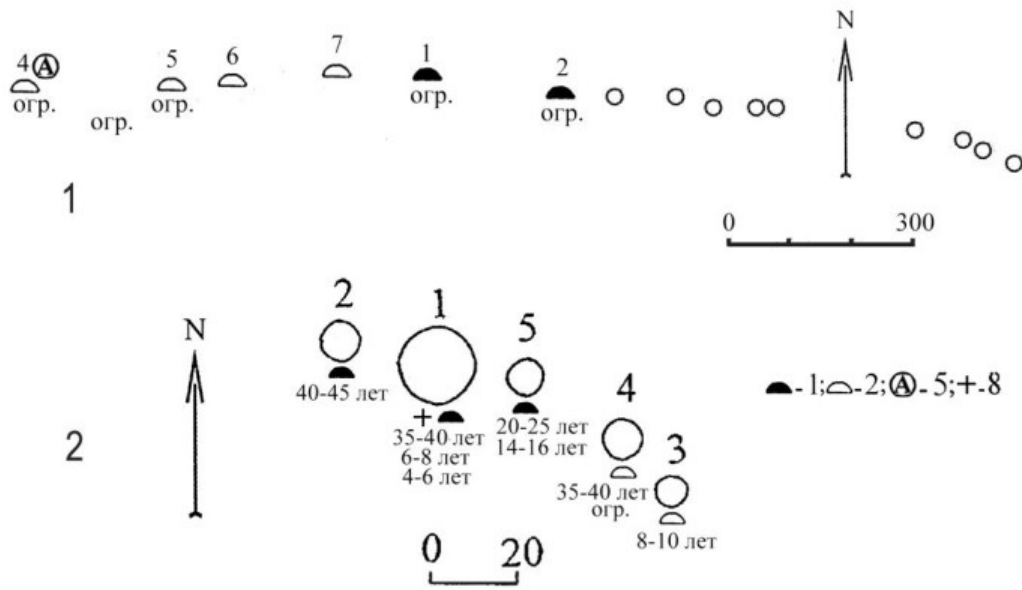

Рис. 2. Сарматский некрополи в бассейне Нижнего Дона (Ростовская обл.):
 1 — сарматский сегмент некрополя у ст. Скоырская, у р. Быстрая, I — середина II в. н. э.;
 2 — сарматский некрополь Кичкинский I, у р. Амта, середина II — середина III в. н. э.

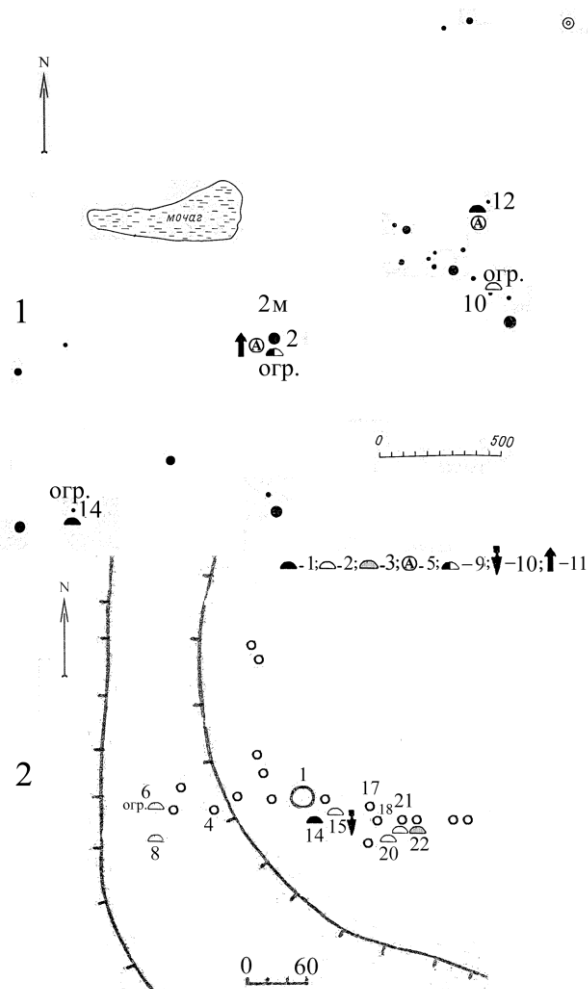

Рис. 3. Сарматские сегменты некрополей бассейна Нижней и Средней Волги:
 1 — некрополь у с. Никольское (Астраханская обл.), I — середина II в. н. э.;
 2 — некрополь у с. Виловатое, у р. Самара (Самарская обл.), середина II — середина III в. н. э.

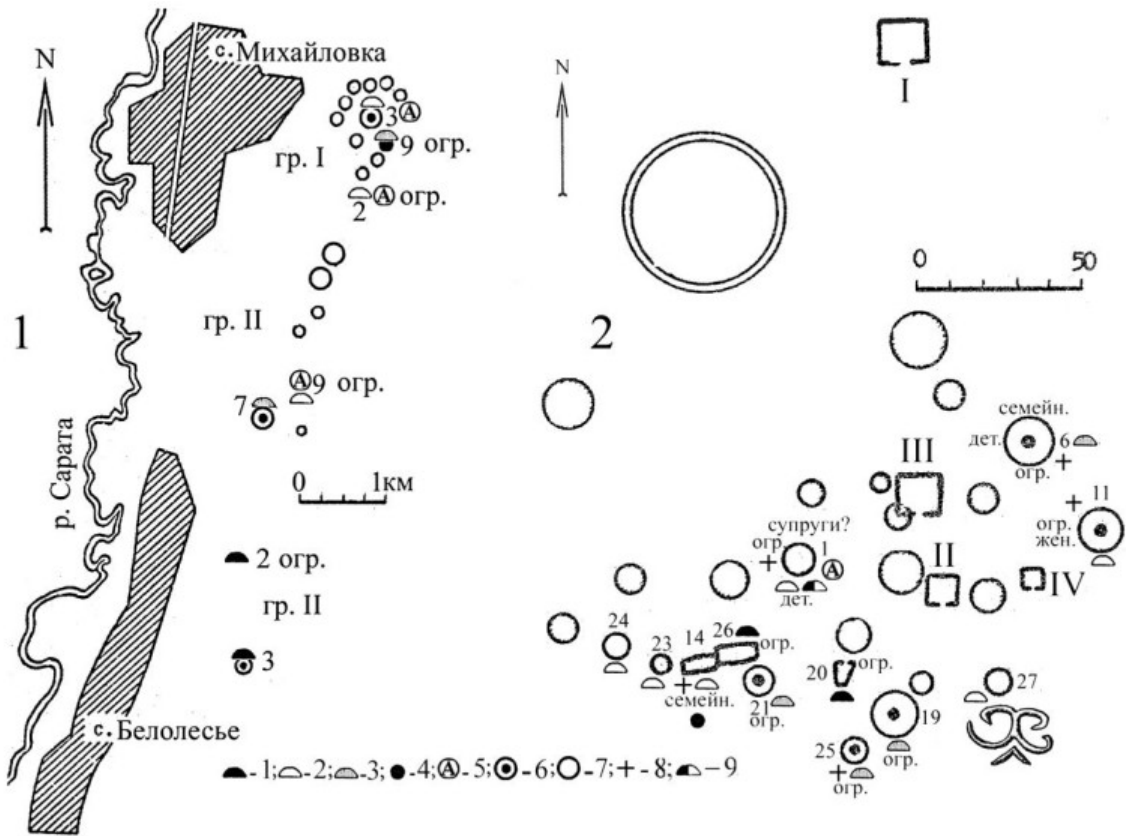

Рис. 4. Сарматские сегменты некрополей степей Буджака (Одесская обл.):
 1 — некрополь у сел Белолесье-Михайловка, у р. Сарата, I — середина II в. н. э.;
 2 — некрополь у с. Васильевка, у р. Большой Катлабух, середина II — середина III в. н. э.

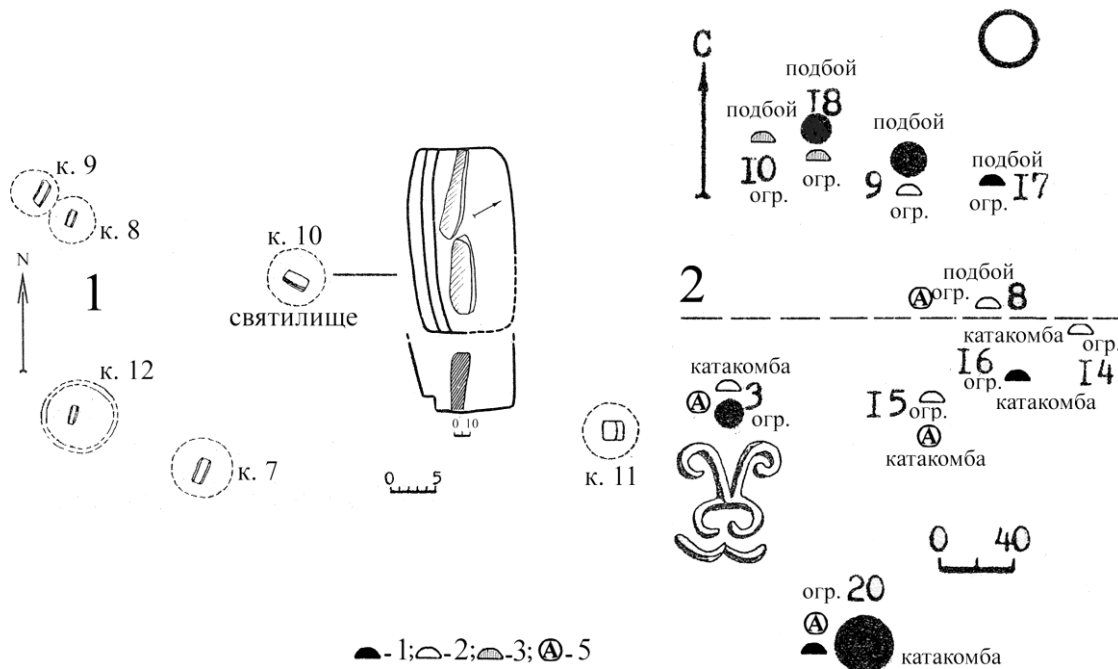

Рис. 5. Позднесарматские некрополи степей Буджака (Одесская обл.):
 1 — некрополь Хаджидер II, у р. Хаджидер, середина II — середина III в. н. э.;
 2 — сарматский сегмент некрополя Кубей, у р. Карасулак, середина III — середина IV в. н. э.

- Безуглов, Захаров, 1992 — Безуглов С. П., Захаров А. В. Новые данные к хронологии среднесарматских погребений Донского Правобережья // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Саратов, 1992.
- Безуглов и др., 2009 — Безуглов С. П., Глебов В. П., Парусимов П. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов на-Д., 2009.
- Глебов, Парусимов, 2001 — Глебов В. П., Парусимов П. Н. Позднесарматский могильник Кичкинский I // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов, 2001. Вып. 17.
- Дьяченко и др., 1999 — Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1999. № 2.
- Засецкая, 1979 — Засецкая П. П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Тр. Государственного Эрмитажа. Л., 1979. Вып. XX.
- Ильюков, 2004 — Ильюков А. С. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский») // Вестник Танаиса. Ростов на-Д., 2004. Вып. 1.
- Мышкин, 1992 — Мышкин В. Н. Сарматские погребения Вилатовского курганного могильника в Куйбышевской области // Проблемы хронологии сарматской культуры. / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Саратов, 1992.
- Свод памятников..., 1994 — Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. / Отв. ред. Р. Н. Нургаалиев. Алматы, 1994.
- Свод памятников..., 2002 — Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбыльская область / Отв. ред. К. М. Байпаков. Алматы, 2002.
- Субботин, Дзиговский, 1990а — Субботин А. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев, 1990. Вып. I: Курганные могильники Алкалия и Хаджидер II.
- Субботин, Дзиговский, 1990б — Субботин А. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев, 1990. Вып. II: Курганные могильники Дивизийский и Белоалесский.
- Субботин, Дзиговский, 1990в — Субботин А. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев, 1990. Вып. III: Курганные могильники Васильевский и Кубей.
- Яценко, 2001 — Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Яценко, 2016а — Яценко С. А. К изучению планиграфии курганных могильников позднесарматского времени // Stratum plus. Кишинев, 2016. № 4: «Круг земной». Рим и варвары.
- Яценко, 2016б — Яценко С. А. К изучению планиграфии крупных сарматских некрополей // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург, 2016.
- Яценко, 2016в — Яценко С. А. Сарматский могильник второй половины I — начала II вв. н. э. у с. Усть-Каменка: особенности планиграфии // Старожитности степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2016. Т. XIX.
- Яценко, 2016г — Яценко С. А. Сарматская элита у границ Боспора I–III вв. н. э. // Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы Международного круглого стола / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб., 2016.
- Яценко, 2016д — Яценко С. А. О планировке элитарных некрополей и элитарных участков в некрополях ранних кочевников Степи // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень, 2016. Вып. 8.
- Яценко, 2016е — Яценко С. А. Некоторые проблемы археологического изучения погребальной обрядности // Новое прошлое. Ростов на-Д., 2016. № 4.